

Глава 4: Изумление

Расспрашивая генерала о делах, Жун Цзюнь не сводил с него оценивающего взгляда, изучая с ног до головы.

Какая божественная лошадь!

Этот конь просто убийственно хорош.

Боевой конь Се Яньчжоу по кличке «Серебряное Ржание» был ослепителен: его масть напоминала горные снега, он мог преодолеть тысячу ли за день и мчался быстрее падающей звезды. Жун Цзюнь долго любовался животным, прежде чем наконец перевел взгляд на лицо хозяина.

Лицо оказалось неожиданно молодым. Се Яньчжоу носил высокую корону, волосы со лба были гладко зачесаны назад. Светлые, слегка суженные зрачки и прямой, выдающийся нос делали его профиль холодным и отстраненным.

Очень хорош собой. Но всё же чуточку хуже меня.

Система: [И чуть хуже меня. Он на третьем месте.]

Человек и Система привычно потешили свое самолюбие.

В этот момент взгляд генерала мельком скользнул по юноше, не задерживаясь ни на секунду. Впрочем, бесстрашие Се Яньчжоу было куда приятнее, чем выражение чистого отвращения на лице верного адъютанта, державшего коня.

Адъютант хмыкнул:

— Молодому господину лучше отойти. На поле боя Серебряное Ржание дробило ребра вражеским вождям.

Не успел он договорить, как Се Яньчжоу спешил, и величественный конь вдруг сам подошел к Жун Цзюню, ласково ткнувшись в него мордой. Это был знак высшего доверия и привязанности.

Лицо адъютанта окаменело.

Жун Цзюнь же невозмутимо принимал ласку. Некоторые люди от природы нравятся животным. Наука объясняет это формой лица или густотой волос, метафизика — особым магнитным полем. Будучи единственным присутствующим с распущенными волосами, Жун Цзюнь явно был мастером в этом деле. А природное обаяние вкупе с присутствием Системы делали его ауру поистине уникальной.

Близость Серебряного Ржания заставила Се Яньчжоу обратить внимание на гостя, хотя взгляд

его не сулил ничего доброго.

— Сын Жун Чэнлиня?

Вряд ли в столице нашелся бы второй человек, рискнувший назвать Первого министра по имени при всех.

Лицо Жун Цзюня, подсвеченное сиянием его драгоценных сундуков, расплылось в улыбке:

— Сын моей матери, которая рано сбежала, и приемный сын Главного распорядителя.

Бросаться фразами вроде «я сын твоего врага» было бы невежливо. Он мастерски умел заводить связи, а потому добавил:

— А также названный младший брат и жилец генерала.

Стоило прозвучать словам «названный брат», как горячий уличный воздух словно остыл на несколько градусов. Кто-то шумно сглотнул, воцарилась гробовая тишина. Даже адъютант отступил на шаг, подумав, что золотая молодежь столицы совсем лишилась ума от сытой жизни.

Се Яньчжоу слишком долго пробыл на войне и давно не встречал такой наглости. Безупречная внешность, растрепанная одежда, длинный язык... В этом непутевом юноше невозможно было разглядеть черты его коварного отца-чиновника.

— В поместье генерала не держат бездельников.

На военном языке «не держать людей» означало «не знать пощады к врагу». Голос, пропитанный жаждой крови, давил своей тяжестью, но Жун Цзюнь и бровью не повел.

— Я очень трудолюбив.

Неизвестно, услышал ли его Се Яньчжоу — он уже вошел в дом. Боевой конь оглядывался через каждые три шага, явно не желая расставаться с новым знакомым.

Мысль о том, что этот наглец поселится на территории генерала, вызвала у офицеров тошноту. Сдерживая желание пустить в ход кулаки, они спросили адъютанта:

— Может, устроить ему «встречу с коня»? (прим.: идиома ся ма вэй — демонстрация силы новоприбывшему).

Глядя на тоскливую морду коня, адъютант проворчал:

— Конь того и гляди с ним сбежит. Какую тут силу показывать?

Благодаря Системе чувства отравленного тела Жун Цзюня обострились. Уловив слова

адъютанта, он вдруг захотел вафель (прим.: ся ма вэй созвучно с китайским названием вафель).

Система: [А я хочу отведать зашифрованных вирусов.]

Игнорируя косые взгляды, человек и ИИ вместе вздохнули у ворот поместья.

Вечером Се Яньчжоу устроил пир для солдат. Смех и брань доносились из залов, создавая резкий контраст с тишиной соседнего двора. Генерала часто винили в жестокости, и в походах он железной рукой насаждал дисциплину, но на отдыхе, казалось, проявлял человечность.

— Он довольно щедр. Я занял несколько лишних комнат, и он слова не сказал, — Жун Цзюнь попивал горячий чай, развалившись на кушетке.

Он уже отпустил слугу, вернув ему вольную, чтобы не следить за каждым своим словом.

— Вещей слишком много, в одну комнату не влезли, — он неопределенно махнул рукой в сторону гор сундуков. — Раз, два...

Устав считать золото, он перешел к серьезным делам — списку подозреваемых.

Система переместила его в конец эпохи династии Лян. Если трон захватит принц, название страны не изменится сразу.

— В день, когда я попал в тюрьму, я проверил цены на улицах. Обычно перед крахом империи народ бедствует, вспыхивают бунты, а цены на зерно взлетают. Ничего этого нет. Значит, это внутренний заговор. Но я видел слишком мало людей. Жун Цзюнь: — У обычных детективов три подозреваемых. Мне не хватает одного... Итак, Подозреваемый №1: «Дешевый Папаша».

Няня сказала, что министр уехал по делам. Но обычно это означает либо визит к родне, либо ссылку. Здесь же — полная тишина, что странно.

— Подозреваемый №2: Се Яньчжоу. Он всё подозрительнее. Я остался здесь, чтобы следить за ним. Он плевать хотел на репутацию, за ним стоит Главный распорядитель, и он ни во что не ставит моего отца. Идеальный мятежник.

Система согласилась: [Логично. Но у тебя те же условия, что и у него.]

Жун Цзюнь: — Это такая шутка от ИИ?

Система гордо: [ИИ не настолько абстрактен. Это я сам придумал.]

Они дружно рассмеялись.[А почему не добавишь Главного распорядителя?]

Жун Цзюнь: — Вряд ли. По слухам, он «неполноценен». Имитировать это двадцать лет —

перебор. Шанс, что человек без наследников захватит трон, крайне мал.

Но на всякий случай он вписал его в блокнот.

Их покой длился недолго. На следующее утро дворцовый банкет в честь Се Яньчжоу внезапно перенесли. Жун Цзюня разбудили ни свет ни заря для получения указа.

— Ранний подъем не сулит ничего хорошего, — проворчал он, спотыкаясь и врезаясь в кого-то.

Перед ним стоял Се Яньчжоу с ледяным взглядом.

Жун Цзюнь: — ...

Вот видите, несчастья уже начались.

К счастью, испепеляющий взгляд длился недолго. Евнух начал читать указ. Суть была проста: Первый министр Жун в своей поездке случайно раскрыл заговор принца, собрал улики и скоро вернется. Император решил подождать его, чтобы отпраздновать всё разом, хотя все знали, что военные и министр терпеть друг друга не могут.

Жун Цзюнь был сбит с толку: «При чем тут я?»

Закончив чтение, евнух с длинными белыми бровями взглянул на юношу:

— Должно быть, это сын министра Жуна. Истинный талант.

Жун Цзюнь, вытасканный из постели с растрепанными волосами, на «талант» никак не тянул. А когда тебя хвалят ни за что — жди беды.

— Его Величество лично распорядился, чтобы молодой господин также присутствовал на банкете.

Жун Цзюнь ткнул в себя пальцем:

— Черт возьми... А за чей стол меня посадят? У меня нет ранга. К распорядителю или к министру?

Евнух улыбнулся еще шире:

— Его Величество сказал: на ваш выбор.

«Онлайн-выбор места» на банкете — случай беспрецедентный. Но Жун Цзюнь не гордился, он хотел ругаться. Когда евнух ушел, он поплелся к Се Яньчжоу. Тот, хоть и пил вчера с солдатами, выглядел бодрым, в отличие от проспавшего десять часов юноши.

— Нельзя ли как-то не ходить? — без тени почтения спросил Жун Цзюнь. — Если отец узнает, что я вынес половину его поместья, он меня прибьет.

В ответ он увидел лишь удаляющуюся спину.

Для Се Яньчжоу Жун Цзюнь был «великолепен» как предмет искусства, но невыносим как человек — слишком шумный. Генерал уже подумывал, не сфабриковать ли повод, чтобы вышвырнуть этот «экспонат» вон.

Система: [Слушай, у него взгляд какой-то кровожадный.]

Жун Цзюнь же бормотал себе под нос:

— Хоть бы папаша простудился в дороге. Или ногу сломал. Кость срастается сто дней — вот бы он стал хромым, было бы идеально.

Се Яньчжоу резко остановился. Жун Цзюнь чуть не врезался в него снова. Посмотрев на парня как на редкое животное, генерал наконец выдал:

— Удачи тебе.

Уходя, он слышал за спиной молитвы: «Боже, помоги... предки, благословите...». Усмешка тронула губы генерала. Министр вырастил достойного сына — тот просит предков наслать на отца проклятие.

В кабинете Се Яньчжоу просмотрел досье на Жун Хэнсуна (оригинального владельца тела). Список грехов был внушительен. Он понимал: старый лис Жун Чэнлинь вполне мог использовать сына как приманку или шпиона. Если у парня есть тайные цели, он скоро себя проявит.

Адъютант, вошедший в кабинет, прорычал:

— Столько зла совершил в таком возрасте! Будь моя воля, одного удара палкой хватило бы, чтобы прикончить его.

Се Яньчжоу закрыл папку:

— Позови ко мне Сюэ Жэня.

— Сколько же зла натворил этот парень? — удивлялся Жун Цзюнь. Солдаты при встрече с ним специально громко обсуждали его проступки, глядя как на добычу. В ответ Жун Цзюнь лишь продолжал молиться о болезни отца, чем вгонял вояк в ступор.

Система: [Нам пора подумать о миссии.]

— Миссия — это игра в ожидание. Ждем нового императора. Но расположение нашей комнаты интересное — рядом с кабинетом и спальней Се Яньчжоу. Если кого-то ненавидишь, его селят

у слуг. А тут — ловушка на живца.

Система ахнула: [Может, он влюбился с первого взгляда?]

Жун Цзюнь лишь вздохнул и лег спать.

Жизнь Се Яньчжоу была спартанской: чтение допоздна, тренировки с мечом до рассвета. Шум стоял невыносимый. Жун Цзюнь, чье «утреннее бешенство» достигло пика, взвыл:

— Почему никто не жалуется на шум в неположенное время?!

На плацу Се Яньчжоу, вытиравший клинок, на секунду замер, услышав этот крик, и... продолжил тренировку еще громче. Управляющий поместьем подумал: «Неужели генерал специально? Ведет себя как ребенок, дразнящий котенка».

Днем в поместье потянулись чиновники с подарками. Се Яньчжоу вскоре закрыл двери, сославшись на болезнь. И тут Жун Цзюнь зашевелился. Он выбрал лучшие лекарства из своих запасов.

Система: [Этот тоник укрепляет тело и разум у 99% людей. Но на тебя из-за яда он не подействует.]

— Это не мне. Это генералу Се. Он, скорее всего, ранен.

Жун Цзюнь почувствовал запах лекарств от Се Яньчжоу еще во время указа. Тренировки были лишь прикрытием, а «болезнь» — поводом не принимать гостей.

— Зачем ты ему помогаешь?

— Глупый. На банкете я хочу сидеть за его столом. Пусть выздоравливает. К тому же, это часть моей мечты. Чтобы ценить лень, нужно видеть, как кто-то вкалывает. Мысль о том, что он встает с петухами махать мечом, пока я сплю... боже, я счастлив!

Система: [...Ты извращенец.]

Она чувствовала, что у хозяина есть и другая цель, но он ее не озвучил.

Жун Цзюнь знал, что Се Яньчжоу не примет лекарство из его рук. Поэтому он прокрался на кухню и смазал внутренние стенки котелка для отваров особым порошком. Сделав «доброе дело», он велел Системе записать это в дневник.

В комнате генерала было темно. Се Яньчжоу сидел с обнаженным торсом, на мышцах виднелась жуткая рана. Сюэ Жэнь — тот самый лекарь, которого Жун Цзюнь принял за

коронера — менял повязку.

— Повезло, что стрела была без яда. Пару дней покоя, и всё заживет.

— Не болтай об этом, — отрезал Се Яньчжоу.

Он подошел к шесту, где сидел подарок одного из чиновников — роскошный попугай ара. Генерал любил птиц.

— Даритель был внимателен, — заметил Сюэ Жэнь.

— Очень, — Се Яньчжоу коснулся клетки. — Мои люди проверили: когда птица слышит слова «верный подданный», она...

— Долгие лета, Генерал! Долгие лета! — вдруг закричал попугай.

Лицо Сюэ Жэня побледнело. Если император услышит это, генерала обвинят в измене. Се Яньчжоу просто записал имя чиновника — тот был из Министерства ритуалов.

Затем он взял свежеприготовленное лекарство и, к удивлению лекаря, вылил его в кормушку попугая.

— Еще одна птичка, которая хочет навредить.

Стража доложила, что Жун Цзюнь что-то подсыпал в котел. Се Яньчжоу решил, что юноша так же ядовит, как и красив. С тех пор лекарь готовил генералу отдельно, а все «подозрительные» отвары скармливали птице.

Вскоре столицу потрясло событие: замминистра ритуалов Чжан Цзя был уличен в махинациях на экзаменах. Его казнили в тот же день. И в этот же момент в город вернулся Первый министр.

Перед банкетом Се Яньчжоу стоял у клетки. Его не удивило падение министерства, но поразило другое: попугай ара, которого кормили «отравленным» лекарством Жун Цзюня, был не просто жив.

Он... растолстел.

Птица расправила крылья, выпятила мощную грудь и посмотрела на генерала с явным презрением.

Примечание автора:

Попугай: Ты чё лекарство за отраву принял? Это божественный эликсир!

Се Яньчжоу: ...

<http://bllate.org/book/15777/1570617>